

ЛИКИ РУССКИХ ЦАРТНХ

СЕРГЕЙ ПЛЕХАНОВ

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

жизнь • любовь • бессмертие

Сергей Николаевич Плеханов
Император Николай II.
Жизнь, Любовь, Бессмертие
Серия «Лики русских святых»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071465

Сергей Плеханов. Император Николай II. Жизнь, Любовь, Бессмертие: Книжный мир; Москва; 2014
ISBN 978-5-8041-0635-6

Аннотация

Прошло 95 лет с тех пор, как в Екатеринбурге были подло убиты свергнутый Император Николай Александрович, его семья и четверо их приближенных. Новая книга Сергея Плеханова убедительно раскрывает положительную роль Николая II в российской и мировой истории, показывает величие жизненного подвига Православного Государя.

Николай II представлен как цельная и разносторонняя личность. Выдвинутая им плеяда государственных деятелей, таких как Победоносцев и Столыпин, военачальников, таких как генерал Брусилов и адмирал Макаров, несмотря на неоднозначность отношения к ним со стороны современников и потомков, свидетельствует о Николае II как правителе, стоявшем выше субъективных пристрастий. Автор развенчивает стереотипы предвзятой пропаганды и ухищрения псевдо-историков, стремящихся принизить масштаб и значение деятельности монарха-патриота, возглавлявшего страну в период внутренней смуты и небывалых внешних угроз. Трагедия царской семьи стала прологом невиданного в истории порабощения свободного народа. Но пролитая кровь царственных мучеников взывает к пробуждению и возрождению России.

Книга адресована читателю, не желающему довольствоваться затверженными объяснениями исторических явлений, но стремящемуся понять тайные пружины событий, изменявших мир в прошлом и меняющих его на наших глазах.

Содержание

Голгофа	5
В человеке все должно быть прекрасно...	8
Солдат империи	18
Сильный Державный	23
Шторм	31
Рыцари России	44
Любовь, надежда, вера	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Сергей Плеханов
Император Николай II.
Жизнь, Любовь, Бессмертие

© С. Н. Плеханов, 2014

© Книжный мир, 2014

Голгофа

Дом Ипатьева, в котором провели последние дни жизни и были убиты Николай II и его семья

У входа в особняк висела табличка «Свердловский филиал Челябинского заочного института культуры». Все кругом было исполнено запустения, типичного для советской провинции: напротив облезлая церковь, наискосок через дорогу – ветхий дворец в стиле ампир, пропыленная листва неухоженного сквера. Даже доносившиеся от подножия холма звонки трамваев звучали надтреснуто, старчески. Настоящая жизнь давно ушла отсюда, все вокруг дышало только прошлым.

За несколько минут перед тем, как остановиться у входа в особняк, я изучал в полутемном приделе церкви, давно обращенной в краеведческий музей, выставленный в раме газетный лист. На желтой от времени бумаге было оттиснуто извещение Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов о расстреле гражданина Николая Романова. Избранники трудящегося и эксплуатируемого народа сообщали, что семья бывшего самодержца находится в надежном месте в целости и сохранности.

Стояло лето 1977 года. Уже более полувека мир знал о поголовном истреблении царственных узников и их ближайшего окружения. Но кто-то не побоялся выставить на всеобщее обозрение лживое извещение, состряпанное палачами. Только так можно было в тот год выразить свое отношение к злодеянию...

Выйдя из музея, я пересек площадь. И оказался перед тем самым зданием, в котором душной ночью 17 июля 1918 года дюжина молодых крепких мужчин, толкаясь, ругаясь на нескольких языках, пыхтя от усердия, кололи штыками извивающиеся в агонии женские тела. Табличка Челябинского института культуры самой своей будничностью заявляла о том, что ничего исторически важного здесь не происходило, что тот давний эпизод настолько

незначителен с высоты безоблачного сегодня, что нет никакой необходимости напоминать о нем.

Внутри обветшавшего особняка было пусто, гулко, безлюдно. Даже вахтера не оказалось у дверей. Заглянув в несколько помещений, я обнаружил полное отсутствие мебели. Лишь в одной из комнат стоял обшарпанный стул. Опустившись на него, я долго созерцал великолепный камин, облицованный замысловатыми зелеными изразцами. Потом встал, подошел к окну. За ним пропыленные деревья вопияли о тусклой обыденности. «Как это было?». Я ждал, что вот-вот придет озноб причастности к тому, что произошло здесь. «К этому камину прикасалась рука Помазанника Божия»? Сухо, бранчливо прозвенел трамвай. Среди серых тополей, то и дело замирая, крался тощий кот. «Где это было? У меня под ногами, в подвале, заколоченном досками»? Я прошел в соседнее помещение – здесь в беспорядке стояли столы, стулья, на линолеуме школьной доски проступали небрежно стертые буквы. В окне белел перст, вознесенный над крышами города – обком КПСС. В небо рвались многометровые буквы «СЛАВА ТРУДУ!», «РЕШЕНИЯ XXV СЪЕЗДА ПАРТИИ – В ЖИЗНЬ!», «ПЛАНЫ ПАРТИИ – ПЛАНЫ НАРОДА». Все забыто, никому нет дела до Ипатьевского дома...

Борис Ельцин был ответствен за снос Ипатьевского дома в 1977 году

Я провел в особняке минут сорок. За это время никто больше не нарушил его могильный покой. Летом 77-го года монархисты были редкостью не только в Свердловске.

«Ипатьевский дом. Расстрел» (Худ. Павел Рыженко)

Но кто-то, по всей видимости, фиксировал подобные визиты – и прилежно волновал соответствующими донесениями местные власти. Будущим деятелям социалистической культуры, впитывавшим ее живительные соки на месте кровавой бойни, уже было подыскано иное помещение. А на одном из этажей белого партийного небоскреба вожак уральских коммунистов товарищ Ельцин вкупе с ректором Архитектурного института товарищем Алферовым склонялись над листами проекта, определившего участь дома Ипатьева – на его месте мечтателям виделись гранитные ступени, с которых выходящие из бывшей Вознесенской церкви могли бы любоваться панорамой родного города, увенчанной партийным штабом.

В человеке все должно быть прекрасно...

Его 50-летний юбилей, пришедшийся на 6 (19 по новому стилю) мая 1918 года, никак не был отмечен Россией. В доме Ипатьева бывшего императора поздравили только заточенные вместе с ним родные и несколько оставшихся при них приближенных. В сравнении с прежними пышными торжествами по таким датам, в тот день ощущение праздника могли дать только воспоминания...

Воображение уносило его в холодное декабрьское утро 1876 года, когда в сопровождении нескольких верховых его везли в санях к манежу Инженерного замка. По случаю 50-летия со дня назначения царствующего императора Александра II шефом лейб-гвардии Павловского полка производился развод.

Восьмилетнего Великого князя Николая Александровича, облаченного в павловский мундир, поставили на левом фланге головного караула. Когда раздалась команда «К церемониальному маршу!», двое офицеров подхватили мальчика под руки и понесли его, в такт с солдатами печатая шаг. Не касаясь ногами земли, Великий князь приложил руку к каске, когда строй проходил мимо государя. По окончании развода император обратился к офицерам полка с короткой приветственной речью. Указав на своего внука, он сказал: «Желаю ему дожить до празднования пятидесятилетнего юбилея отца его, а также отпраздновать и самому пятидесятилетний юбилей! Дайте мне его поцеловать».

Юный Николай Александрович

Но первое из пожеланий деда не исполнилось – император Александр III, отец Николая, скончался, не отметив и 49-летие. Да и второе пожелание вряд ли назовешь провидческим – не подходило определение «юбилей» для тихого скорбного торжества в заточении.

И все же – полвека... Целая бездна времени отделяет мир от мая 1868 года, когда Николай появился на свет. Улицы Петербурга освещались газовыми рожками, по выложенным деревянными торцами мостовым громыхали кареты. Ни о пулеметах, ни об аэропланах, ни о телефоне, а тем паче радио никто и не слыхивал. Нравы были строгие, патриархальные: на улицах курить воспрещалось, не то что демонстрации или, того хуже, баррикады устраивать...

Николай Александрович в детстве

Покушение студента Каракозова на Александра II в апреле 1866 года потрясло Россию. Впервые после этого император стал ездить по улицам в сопровождении охраны. Людям долго еще казалась святотатственной сама мысль поднять руку на помазанника Божия. Хотя уже начинались по петербургским подвалам и мансардам самодельные бомбы, хотя дышали сатанинской злобой первые прокламации, кое-как сработанные на гектографах.

1 марта 1881 года, дата смерти Александра II от бомбы поляка Гриневицкого, стала для Николая первым днем взрослой жизни, хотя совершеннолетие его было отпраздновано только в мае 1884-го. Смерть деда от руки социалистического убийцы перевернула душу мальчика: прежнее безмятежное существование навсегда отделила кровавая межа. Даже царей убивают! За ними охотятся сонмы безжалостных самозванных палачей. Царь один – он виден всем как на ладони. А те, кто его преследует, прячутся в миллионных толпах, таятся в бесчисленных подворотнях, на чердаках. Из всякого переулка, из любого окна может грянуть выстрел...

Тот день сделал Николая официальным наследником престола российских государей, ибо его отец стал под именем Александра III преемником погибшего монарха.

Цесаревич Николай Александрович

Собственно говоря, согласно «Закону о престолонаследии» уже со дня своего рождения внук Александра II считался прямым продолжателем династии. Поэтому на его воспитание и образование обращалось особое внимание. С самых ранних лет он помнил рядом с собой выдающихся людей России: Константина Петровича Победоносцева, блестящего законоведа и оратора, генерала Михаила Ивановича Драгомирова, крупнейшего стратега империи, Николая Христиановича Бунге, видного экономиста и государственного деятеля, Егора Егоровича Замысловского, знатока истории и права. Эти и многие другие профессора преподавали юному Великому князю весь комплекс гимназических предметов, а позднее и университетских наук. При этом упор в занятиях делался на практические знания – вместо довольно отвлеченных древних языков было введено преподавание минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии; курсы политической истории, русской литературы и иностранных языков были существенно расширены.

Александр III с императрицей Марией Фёдоровной и детьми: Михаилом, Николаем, Ольгой, Ксенией и Георгием (1888 г.)

К моменту окончания учебы наследник российского престола обладал обширными познаниями и в военном деле. Причем ему были даны не только теоретические знания – Великий князь прошел полный курс строевой и физической подготовки, положенной каждому рядовому и офицеру.

По сути дела, это был последний политический деятель в истории России, который с ранних лет готовился на роль верховного руководителя страны. Ему не забивали голову сведениями об устройстве тракторов или посеве квадратно-гнездовым методом, не втемяшивали «священные» тексты Маркса, Энгельса и Ленина, как всем последующим владыкам.

К 21 году будущий царь получил блестящее образование, свободно владел основными европейскими языками, обладал обширными познаниями в различных областях государственного управления и экономической жизни.

Николай II (1894 г.)

Его феноменальная память, развившаяся в годы учения, удивляла многих знавших его людей. Один из биографов императора, Н. Тальберт, писал: «Обладая основательными знаниями, Государь всю жизнь пополнял их, поражая свою осведомленностью тех, кто имел с ним дело. Вспоминаю то впечатление, которое он произвел на министра путей сообщения Клавдия Семеновича Немешаева. Последний управлял долгое время обширной и образцовой Юго-Западной железной дорогой, был большим знатоком своего дела. Он рассказывал мне, как поражен был знаниями государя в этой области. Приходилось слышать то же от других лиц». А лейб-медик Е. С. Боткин, погибший впоследствии вместе с царской семьей в

Ипатьевском доме считал: «Государь император Николай Александрович был самым интеллигентным и образованным человеком, которого я когда-либо встречал в своей жизни».

Если добавить к этому, что манеры Николая Александровича были безукоризненны – трудно сказать, воспитание ли тому причиной, или это врожденное (порода!), – можно представить себе, какое впечатление производил он на окружающих. Французский президент Феликс Фор заметил как-то, что Николай Второй – самый воспитанный человек, какого он когда-либо встречал. В устах деятеля, тесно общавшегося со всеми королями, президентами и премьерями тогдашнего мира такое признание кое-чего стоит...

Николай II в теннисной форме

Внешний облик будущего императора вполне сформировался ко времени окончания курса наук. Это был крепкого, хотя и изящного сложения молодой человек с прекрасной военной выправкой. Обладая незаурядной силой, выносливостью, закаленностью, он достиг значительных успехов во многих видах спорта: верховой езде, стрельбе, гребле. Николай Александрович был отличным конькобежцем, велосипедистом, теннисистом, прекрасно управлял парусником. А ведь в те годы спорт только входил в моду даже в Европе. В России же спортсмены были наперечет.

Акробатические упражнения Николая II и принца греческого Николая (1899 г.)

Впрочем, сказанное не значит, что Великий князь отдал своего рода дань увлечению великосветских юношей. Тяга к спорту, к физическому труду оставалась у него на всю жизнь. При этом иные из привычных для него нагрузок – такие, как пешие походы по 10–15 верст в полной солдатской амуниции или многочасовая пилка и колка дров, уборка снега – нетипичны для светского спортсмена тех лет. Они говорят скорее об отвращении к праздности, к безделью.

6 ноября 1909 года император в форме рядового солдата стрелкового полка с полной выкладкой совершил марш-бросок на 25 километров, таким образом, лично проверив качество обмундирования российских солдат

Такое отношение к жизни прививалось царским детям с ранних лет – император Александр III воспитывал своих чад в поистине спартанской строгости. Спали они на деревянных кроватях с тонкими жесткими матрасами. Скромный завтрак – каша, вареное яйцо, черный хлеб – подавался не раньше, чем дети примут холодный душ. Многие ли сегодня содержат своих отпрысков в такой телесной скудости?

Если добавить ко всему вышесказанному, что наследник российского престола отличался притягательной внешностью, то облик идеального Человека предстанет перед нами во всей завершенности. С многочисленных фотографий на нас смотрят удивительно добрые глаза. Эти огромные голубые глаза, эти светло-русые волосы, обрамляющие высокий чистый лоб, эта пшеничная бородка, опушившая красиво очерченный рот, кажутся нам сегодня как бы само собой разумеющимися атрибутами царской внешности – настолько совершенным представляется лик последнего русского государя. Провидение словно бы вознамерилось

дать всем последующим поколениям представление о гармонии и высоте того строя жизни, который породил столь удивительную в своем совершенстве личность.

Николай II (1894 г.)

Стоит поместить рядом с портретом последнего русского царя изображения тех, кто властвовал над поработанной Россией после его низвержения – и не надо нам выкладок экономистов, не нужно обличительных документов. Один этот парад злодеев может служить иллюстрацией того, что случилось с великой страной.

Облик правителя – это не второстепенное обстоятельство в ряду характеристик эпохи. Как по внешнему виду ребенка можно безошибочно судить об условиях, в которых он живет, о культурном уровне семьи и многом другом, столь же неопровержимо свидетельствует о благополучии или неблагополучии народа личность его предводителя.

Николай II и цесаревич Алексей убирают снег

Солдат империи

В те дни, когда узкогрудый студент Александр Ульянов, двадцати одного года от роду, распираемый ненавистью ко всему, что было дорого русскому народу, любовался в полуподвальном помещении на очередную самодельную бомбу, предназначенную для царствующего императора, девятнадцатилетний Николай Александрович Романов готовился приступить к воинской службе в должности младшего офицера Государевой роты гвардии Преображенского полка.

1 марта незадачливый террорист был арестован вместе с группой своих единомышленников. Мечта об убийстве ни в чем не повинного человека осталась неосуществленной. Даже идя к виселице спустя несколько недель, Ульянов нисколько не раскаивался – он бесился, как скорпион, которому в последний момент не дали вонзить в живую плоть ядовитое жало. В злобных судорогах он и предстал пред судом Вечности.

А царственный юноша напутствовал тех, кто жаждал крови его отца, всепрощающей молитвой. По-разному понимали эти почти сверстники благо родной страны. И поэтому закономерно, что короткая жизнь одного увенчалась позорной казнью, в то время как другой начинал свое долгое и трудное служение России...

23 июня 1887 года стало начальным днем военной карьеры будущего главнокомандующего русской армии. По истечении года наследник-цесаревич назначается командиром Государевой роты Преображенского полка.

Цесаревич Николай Александрович Романов, в форме Лейб-гвардии Гусарского полка Его Величества (1 марта 1887 года)

За два с половиной года он основательно изучил службу в пехоте и с началом 1890 был переведен в лейб-гвардейский Гусарский полк – вновь поначалу младшим офицером, а затем командиром эскадрона.

Служба в кавалерии была прервана в связи с участием в кругосветном путешествии (с октября 1890 по июль 1891 г.г.), а затем великий князь продолжал свою военную подготовку в артиллерийских частях: командир взвода в Лейб-гвардии 1-й конной Его Величества батарее, затем командир Лейб-гвардии 6-й пешей Его Величества батарее.

Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович верхом в форме Л-гв. Гусарского полка Его Величества (Рига, нач. XX в.)

1 января 1893 года Николай Александрович возвращается в Лейб-гвардия Преображенский полк. Накануне своего перевода он произведен в полковники и теперь получает под свое командование 1-й батальон. На этом посту его застаёт смерть отца, императора Александра III (20 октября 1894 года).

По законам Российской империя, вступая на престол, монарх сохранял то воинское звание, которого достиг на действительной службе, и дальнейшее производство в чин не допускалось. Даже приняв в 1915 году командование всей русской армией, сражавшейся против германо-австро-турецкой коалиции на многотысячекилометровом фронте, император оставался верен старому полковничьему мундиру. На груди его в эти годы прибавился лишь один серебряный крестик – «Георгия» он получил за пребывание на передовой.

Для нас, имеющих богатый опыт быть ведомыми «выдающимися полководцами», которые почти не выбирались из Кремля, либо навешивали на себя пуды наград за несуществующие победы, не нужно тратить много слов в похвалу русскому царю, который почти два года честно тянул армейскую лямку и более двух лет осуществлял руководство крупнейшими сражениями в истории войн...

По свидетельству всех знавших Николая Александровича, в бытность его командиром различных подразделений лейб-гвардии, он никогда не позволял себе формального отноше-

ния к своим обязанностям, чего вполне можно было бы ожидать от наследника престола. Он не просто числился, но служил с полной отдачей, ничем не отличаясь от прочих офицеров. Его манила атмосфера полкового братства, он не пропускал возможности участвовать во всех затеях сослуживцев. Простая, бесхитростная натура русского солдата всегда привлекала цесаревича, общение с выходцами из народа, нашедшими временный домашний очаг в преображенской казарме, стало его сердечной потребностью. Возможно, это многолетнее общение со вчерашними крестьянами и рабочими дало Николаю Александровичу прекрасное знание русского народа, его психологии и привычек. Сотни пословиц, сочных простонародных выражений, которыми пестрели деловые бумаги царя, были, вне всякого сомнения, усвоены за годы службы, во время многочисленных путешествий по самым захолустным уголкам родной страны.

Катастрофа случилась с поездом императора Александра III 17 (29) октября 1888 года на Курско-Харьково-Азовской (ныне Южной) железной дороге, в результате которой ни император, ни его семья не пострадали

Неотъемлемыми качествами императора с юных лет были мужество и невозмутимость. Даже во время трагических происшествий, угрожавших его жизни, он ни на миг не терял самообладания. Во время крушения царского поезда 17 октября 1888 года под Борками наследник-цесаревич, только что переживший ужасную катастрофу, принялся переносить раненых, помогал делать перевязки, наравне с солдатами и рабочими разбирали обломки вагонов, подносил воду и лекарства.

Когда во время водосвятия 6 января 1905 года из орудия Петропавловской крепости был выпущен боевой снаряд, разорвавшийся рядом с торжественной процессией, Николай Александрович даже бровью не повел, хотя шрапнель полосовала лед у самых его ног.

Но пожалуй самым опасным испытанием оказалось покушение на его жизнь, совершенное японским полицейским Санзо Цуда. Это произошло во время визита в японский город Отсу в ходе кругосветного путешествия. Нанеся наследнику русского престола удар саблей в голову, самурай попытался повторить нападение, но был сбит с ног ударом трости греческого королевича Георгия, сопровождавшего Николая Александровича. Хотя из раны обильно лилась кровь, цесаревич сохранил полное спокойствие.

Николай Романов в Японии (Нагасаки)

Этот эпизод, всколыхнувший всю Россию, был своего рода предостережением будущему императору. Несмотря на бесчисленные выражения сочувствия жертве покушения со стороны японцев, в стране самураев уже в те годы можно было заметить шовинистические настроения. Они создали благодатную почву для разнузданной русофобской пропаганды, которая через несколько лет стала обычным фоном японской печати. Нападение на цесаревича оказалось предвестием того подлого нападения Японии на русские гарнизоны в Манчжурии, которое положило начало войне, потрясшей основы русского государства. Солдат России Николай Александрович Романов первым принял на себя удар желтого фанатика, ему первому из руководителей белой расы пришлось столкнуться с неистовым натиском азиатского хищника...

Сильный Державный

Скоротечная предсмертная болезнь Александра III совпала с приездом в Россию невесты наследника русского престола принцессы Алисы Гессенской. Вся царская семья находилась в Ливадии, где угасал император. Когда избранница его сына прибыла в Крым, тяжело больной монарх нашел в себе силы, чтобы принять ее и благословить предстоящий брак.

На следующий день после кончины царя, 21 октября 1894 года на престол вступил Николай Александрович. Теперь слова государственного гимна «Сильный державный Царствуй на славу нам Царь православный» относились к нему. И в своем первом манифесте, обращенном к стране и миру, новый монарх поклялся следовать курсом отца. А это значило, что на первое место будут поставлены национальные чаяния русского народа. Ведь скончавшийся император первым в послепетровскую эпоху провозгласил моральной основой своей политики религиозно-нравственные понятия простого человека, земли в старинном значении этого слова. (От него происходит наименование древнерусского парламента: Земской собор). Впервые при Александре III перешли от подражания иностранным модам к национальному стилю: армейская форма стала напоминать одежду стрельцов XVII века, когда-то изгонявшиеся из дворянского обихода бороды получили права гражданства – сам царь стал походить на крепкого домовитого крестьянина, гордящегося своим «образом Божиим» (Христос, как известно, носил бороду)...

И первые десять лет нового царствования, в общем, показали правильность выбранного пути. Страна стремительно развивалась: строились заводы, шахты, железные дороги, возводились новые города, осваивались земли на Востоке, открывались школы и высшие учебные заведения. Расширялись пределы империи – в 1895 году трехцветное знамя взвилось над Памиром.

Адмиралтейские Ижорские заводы

Быстро росло население России. При вступлении Николая II на престол число его подданных составило чуть больше 120 миллионов. Январская перепись 1897 года, проведенная

согласно повелению императора, дала цифру более 128 миллионов. Естественная прибыль, по подсчету Д. И. Менделеева, составляла 1,81 % в год. Гениальный ученый подчеркнул в своей работе «К познанию России», что таких темпов прироста не знала ни одна страна мира. Ясно, что только в условиях материального благополучия и нравственного здоровья народа могла появиться такая тенденция. Человек с уверенностью смотрел в завтра и был спокоен за свое потомство. Чего не можем сказать о своем поколении мы по прошествии сотни лет.

Американские горки на Марсовом поле (Санкт-Петербург. 1895 г.)

Замечу кстати, что настроения исторического оптимизма владели не только массой простых людей, вряд ли знакомых с приведенной статистикой или с газетными выступлениями на эту тему. Народом руководил скорее культурный инстинкт, регулирующий подъемы и спады национальной жизни. Но вот великий химик, автор Периодического закона, опирался в своем оптимизме на объективные научные данные. И они позволили ему предсказать численность населения страны на полвека вперед (при этом Менделеев осторожности ради даже занижил процент естественного прироста). По мнению Менделеева, к 1950 году в России должно было проживать 282 миллиона человек. На деле же к этому году оказалось «в наличии» лишь 200 миллионов. По всей видимости, даже в кошмарном сне академику не могло привидеться, что власть над страной окажется в руках родича того кровавого Ульянова, что окончил свои дни в петле. В 1905 году, когда Менделеев работал над своей книгой «К познанию России», подавляющая масса народа смотрела на «освободителей» как

на бесноватых. Однако вирус революционного помешательства распространяется иной раз с такой скоростью, что ни современники, ни тем более потомки не в состоянии понять, как мог уравновешенный, работающий и счастливый народ попасться на удочку демагогов, как мог растоптать свои святыни и оказаться на положении бесправного раба в собственное доме. Писатель Иван Наживин, сам отдавший дань этому революционному сумасшествию, с горечью рассказал о встрече с греческим коммерсантом на юге России, происшедшей вскоре после бегства литератора из большевистского ада (1919 год):

Торговля мясными тушами (Курган, 1903 г.)

«— Ваша революция! — сказал он. — Да вы до сих пор не поняли, отчего ваша революция произошла... Единственная причина ее — с жиру вы сбесились...

Подвесная электрическая дорога (Инженер – Ипполит Владимирович Романов. Июнь 1900 г., Гатчина)

Я выразил удивление: это объяснение слишком уж просто.

Спуск в присутствии Николая II на воду крейсера «Аврора» 11 (24) мая 1900 г.

– Просто? – повторил на своем курьезном русском языке мой Улисс. – Просто да верно. Посмотрели бы вы, как живет наш греческий народ: кусочек немудреного хлеба, пара маслин, глоток вина, вот и все. А вы, чего у вас не было, чего?.. Я приехал к вам сюда, так удивился: жрет рабочий колбасу, булку белую пшеничную, водки пьет сколько влезет, да еще и жалуется мерзавец, все ему еще мало. Нет, ты влез бы вот хоть на неделю в шкуру нашего

рабочего или крестьянина, тогда бы ты узнал, что такое нужда... Зажрались, на стену с жиру полезли, вот и вся ваша революция... – сердито заключил он. – Ну, теперь, по крайней мере, вы будете знать, как делать революции и к чему это приводит!»

Юная семья с первенцем – великой княжной Ольгой

Каким бы прямолинейным ни казалось такое суждение, но последующая история подтвердила правоту грека. Когда коммунистический режим загнал-таки трудового человека в шкуру бедняка, едва перебивающегося от получки до получки, то потребовал еще и беспрерывно благодарить новоявленных отцов народа за эти нищенские подачки. И ведь не взъярился, не впал в революционное бешенство «самый передовой класс» – уныло тянул свою лямку да безропотно хлебал из корыта то, что угодно было даровать новым хозяевам...

Первые годы XX столетия, по мере того, как войны и революции отделили это время от наступившего века смут и жестокости, стали казаться безмятежной и даже как бы сонной эпохой. Но попробуем перенестись на столетие назад, попытаемся представить себе, как воспринимали мир наши предки, которые до той поры жили достаточно спокойно и счастливо...

Николай II на прогулке с семьей. На велосипеде Великий князь Михаил Александрович, в коляске Великая княгиня Ольга Александровна, стоят сзади Великий князь Александр Михайлович с супругой Великой княгиней Ксенией Александровной (1900–1902 гг.)

Протуберанцы злобы прорывалась из сатанинских глубин, потрясая христианскую страну ужасными картинами крови и насилия. 3 февраля 1901 года студент Карпович убил министра просвещения Боголепова. Апрель 1902 года ознаменовался смертью министра внутренних дел Сипягина от руки террориста Балмашова. В июле 1904-го бомба эсеровского убийцы Созонова настигла министра внутренних дел Плеве. Духовные предки Дзержинского, Ягоды, Ежова и Берии уже творили бессудную расправу со всяким, кто посмел противостоят «беснующимся умам».

Площадь у Варшавского вокзала. Остаток кареты убитого министра Плеве (Фотография Карла Буллы, 28 июля 1904 г.)

То и дело вспыхивали студенческие волнения, подогреваемые агитаторами. В заграничных кафе собирались компании темных личностей, десятилетиями не числившихся на службе, однако безбедно существовавших на деньги неких «доброжелателей», на их же щедрые даяния выпускавших газеты, сколачивавших партии, не могущие похвалиться численностью, зато способные на любую низость ради достижения своих целей: убить, ограбить, оклеветать, продать военные и государственные секреты врагам своего Отечества, сеять на деньги этих врагов смуту и недовольство.

Император Николай II и Императрица Александра Федоровна на крыше Большого Кремлевского дворца (1903 г.)

Но огромная масса народа ничего еще не знает об этих кознях. Она мирно трудится, воспитывает детей, отмечает семейные и религиозные праздники. А во время государственных торжеств, к которым относятся и дни тезоименитства (именины) монарха – со всей искренностью и сердечностью поет:

*Сильный державный
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам
Царь православный...*

Шторм

Январь 1904 года выдался штормовой. Русские суда в гаванях Дальнего Востока и Ляодунского полуострова пережидали непогоду. Немногочисленные боевые корабли, запертые в бухтах, не могли как обычно вести патрулирование в открытом море.

Обстрел крейсера «Баян» (Порт-Артур)

Для Японии переброска войск и снаряжения на Азиатский материк была столь же простым делом, как для русских марш-броски от Москвы до Твери. Новейшие броненосцы микадо за один-два дня достигали берегов Китая и Кореи. Сама природа благоволила коварным замыслам азиатского владыки.

Броненосец «Победа» (Порт-Артур)

Ночное нападение на русские корабли в гавани Порт-Артура без объявления войны было воспринято в культурных странах как обычное проявление азиатского вероломства. Но это оказалось лишь внешним проявлением добропорядочности западного мира. На деле во многих европейских столицах и за океаном – в Америке – потирали руки от удовольствия. Тем, кто тайно ликовал после первых неудач России, еще невдомек было, что подлый нрав азиатских «цивилизаторов» проявится через десяток лет при захвате германских колоний в Китае и на Тихом океане, а спустя 37 лет порт-артурская трагедия в гораздо большем масштабе повторится в Перл-Харборе.

Николай II выслушал доклад о японском нападении со своей обычной невозмутимостью. Присутствие духа он сохранял на всех этапах этой несчастной для России войны. Генерал Ю. Н. Данилов, наблюдавший императора в тот тяжелый год, писал: «В царском поезде большинство было удручено событиями, сознавая их важность и тяжесть. Но император Николай II почти один хранил холодное каменное спокойствие... Что это, спрашивал я себя, огромная, почти невероятная выдержка, достигнутая воспитанием, вера в божественную предопределенность событий или недостаточная сознательность?»

Подводная лодка «Порт-Артурец» (1904 г.) Была изготовлена в Порт-Артуре. Перед сдачей порта японцам взорвана и затоплена, чтобы сохранить изобретение в тайне.

Насчет недостаточной сознательности монарха вряд ли стоит оспаривать мнение мемуариста. Как-никак больше двух десятилетий Николай Александрович вел государственный корабль в условиях все крепчавшего шторма. А те, кто вырвал у него штурвал под предлогом «умиротворения» страны, за какие-то восемь месяцев привели Россию к октябрьской катастрофе...

Николай II с иконой благословляет солдат перед отправкой на фронт Русско-японской войны (1904 г., Петергоф)

Но пока следуют лишь первые удары волн взбесившегося времени. Ленты телеграфа раз за разом приносят дурные вести:

Апрель 1904 г. – поражение русских войск под Тюренченом;

Июнь 1904 г. – отступление после боев у Вафангоу;

Август 1904 г. – неудачный для русских исход сражения под Ляояном;

Октябрь 1904 г. – поражение у Шахэ;

Декабрь 1904 г. – сдача Порт-Артура;

Февраль 1905 г. – отступление после боев под Мукденом;

Май 1905 г. – гибель флота в Цусимском сражении.

Россия к войне была не готова. Даже железная дорога на Восток не была окончена, поэтому, дабы ускорить переброску войск на недостроенном участке проложили рельсы по льду Байкала, чтобы соединить два отрезка магистрали. Задача снабжения войск, расположенных более чем за десять тысяч верст от жизненных центров страны, оказалась сверхсложной. Замечу в скобках для сравнения, что операция всего объединенного Запада против пустынного Ирака (1991 год) потребовала шесть месяцев подготовки в условиях мира. Что говорить о тяжести проблем, вставших перед Россией, осуществлявшей переброску и снабжение войск в условиях ожесточенных боевых действий.

Засада в гаоляне (Русско-японская война, автор фотографии – Прокудин-Горский)

Понятно, что Япония учла все эти обстоятельства и выбрала момент для внезапного удара, пока Транссибирская магистраль не была окончена, пока не были завершены фортификационные работы в русских крепостях, пока на Восток не был переведен флот.

Перевозка продовольствия по переносной железной дороге. Русско-японская война. 1904–1905 гг.

Но даже в условиях такого неравного старта Россия неизбежно раздавила бы Японию. В этом не сомневался никто, включая тех, кто голосил о бездарности главнокомандующих русской армии Куропаткина и Линеви́ча. Если бы маховик военной мощи империи раскрутился на полные обороты, в Манчжурии и Корее не осталось бы ни одного солдата микадо. Именно понимая это, Япония и ее финансовые покровители (главную роль играл Яков Шифф, американский банкир) бросили немалые средства на организации «пятой колонны» внутри страны. Завсегдатаи женевских и парижских кафе воспряли духом, когда на них пролился золотой дождь. В Россию ринулись шайки изменников, до зубов вооруженных отнюдь не на средства, собранные за счет партийных взносов. (Да в этих партиях и состояло-то по две-три сотни членов!).

Воздушный шар «Санкт-Петербург» Восточно-Сибирского Воздухоплавательного полевого батальона. (Порт-Артур, форт № 6)

Провокатор Гапон, выведший многотысячные толпы на улицы Петербурга, может быть, и не ведал, что творил. Но те, кто направлял его, прекрасно понимали, к каким последствиям может привести это в условиях военного положения, когда лучшая часть армии находится за пределами империи. Во всякой воюющей стране возникновение миллионных демонстраций в столице было бы воспринято как удар в спину.

Георгий Аполлонович Гапон

Через несколько дней после «кровавого воскресенья» – 14 января 1905 года – Святейший Синод Русской православной церкви выступил с заявлением, в котором прямо указал, что так называемое «рабочее движение» было оплачено японскими деньгами.

9 января 1905 г. Кавалеристы у Певческого моста задерживают движение шествия к Зимнему дворцу

Свидетельств тесного союза японского правительства (вот уж действительно азиатская деспотия!) с «революционерами» предостаточно. Особенно примечательно, что все, кто оказался в плену в ходе боев в Манчжурии, отмечали в своих мемуарах: в лагерях военнопленных усиленно велась социалистическая пропаганда, распространялась литература соответствующих партий. Задолго до власовцев, оказывается, находились на Руси иуды, готовые стать идейной прислугой врага собственной страны!

Баррикада в Москве. Оружейный переулок (1905 г.)

Понятно, что доставка «революционного» чтива за десятки тысяч верст в концлагеря на Хоккайдо производили отнюдь не на членские взносы мелких партий вроде той, что вскормила Ульянова-младшего... Когда через десять лет теми же методами началась обработка русских солдат, содержащихся в немецком плену, у красных коллаборационистов уже имелся богатый опыт сотрудничества с внешним врагом...

Тем временем враг внутренний не только спровоцировал братоубийственный столкновения в Петербурге, не только подстрекал студентов ряда высших учебных заведений посылать приветственные телеграммы японскому императору по случаю побед его армии. Этот враг многократно умножил удары по самым честным, преданным России политическим и военным деятелям.

В феврале 1905 года террорист Каляев убил дядю царя Великого князя Сергея Александровича, занимавшего пост московского генерал-губернатора. Это покушение положило начало подлинной войне красных убийц против русского государства. О размахе ее можно судить по выборочным газетным сообщениям лишь за несколько дней 1906 года:

2 августа, Варшава. Убиты 13 городских, 4 околоточных, 7 жандармов и 4 солдата.

10 августа, Тула. Убит председатель Тульского окружного суда Ремизов.

21 августа, Севастополь. Убит на глазах у семьи кондуктор флота Филиппов.

30 августа, Варшава. Убиты подпоручик Огурцов и его дама.

4 сентября, Рига. Убит волостной писарь Миккельсон.

6 сентября, Ташкент. Прокурор местной судебной палаты Шарыгин убит студентом Бодрицким, который незадолго до того был освобожден тем же прокурором под залог.

19 сентября, Ашхабад. Убит прокурор военно-окружного суда Ренкевич.

21 сентября, Симбирск. Смертельно ранен бомбой губернатор Старынкевич.

23 сентября, Домбров. Застрелен директор франко-русского общества Станкевич.

Убийство великого князя Сергея Александровича на Сенатской площади Кремля (1905 г.)

И еще одна обобщающая строчка в кровавой статистике того черного года: за полтора месяца (с 1 июля по 15 августа) левыми произведены 613 покушений, в которых убиты 244, ранен 331 человек. Для сравнения стоит указать, что правыми за все предреволюционные годы были убиты только трое: депутаты Герценштейн, Иоллос и Караваев.

Целенаправленно и последовательно выбивали всех, кто не спасовал перед социалистическо-коммунистическими бесами. Общий счет жертв, понесенных императорской Россией в этой борьбе с подлым врагом, действовавшим из-за угла, стрелявшим в спину, расправлявшимся с безоружными – 12 тысяч человек. Такова цена двухлетней смуты, оплаченной иностранными деньгами.

Вакханалия терроризма распространилась настолько широко, что «освободители» вскоре принялись убивать всех без разбора. Когда одного из пойманных в Самаре убийц губернатора Блока спросили «За что организация приговорила администратора к смерти?», «товарищ Вадим» ответил: «Убили, так как это вообще заведено».

И в этих нечеловеческих условиях, когда террор каждый день вырывал из рядов его соратников самых смелых и талантливых людей, угрожал его собственной семье, император Николай II не позволял чувству гнева и мести овладеть собой. В разгар политического бандитизма царю было предложено ввести военно-полевые суды для разбора на месте дел захваченных убийц и погромщиков. Но даже в условиях грозящей государству гибели император счел нужным призвать тех, кто стоял на передовых рубежах борьбы с террором, к хладнокровию. Его резолюция на поданном ему проекте положения о военно-полевых судах гласит: «... Главному военно-судному управлению мое мнение относительно смертных приговоров. Я их признаю правильным, когда они претворяются в исполнение через 48 часов после совершения преступления, – иначе они являются актами мести и холодной жестокости. Николай».

Можно было бы думать, что именно карательная политика самодержавия смогла остановить натиск вооруженных банд. Так, во всяком случае, преподносилось дело русскому (да и мировому) общественному мнению. Но вот даже подсчеты советского историка В. Дякина, понятно, не жаловавшего императорскую Россию, дали в общем итоге 4900 казненных за 1906–1910 года (эти подсчеты опубликованы в 1978 г.)¹. Согласимся, что против 12 тысяч жертв революционного психоза это не такие уж большие цифры. Не только о правительственном терроре – даже о простом мщении за содеянное не может идти речь.

А если припомнить, что в ответ на легкое ранение узурпатора власти Ульянова в августе 1918 года левыми палачами были расстреляны десятки тысяч заложников, включая стариков, женщин и несовершеннолетних, то приходишь к выводу, что историческая вина самодержавия – не в тех репрессиях, которым оно подвергло представителей социалистического разбоя; его неизгладимая вина перед человечеством в том, что оно не выжгло без всякой пощады бацилл коммунистической чумы уже в 1906–1907 годах... Кстати сказать, левые о жертвах среди служащих государственного аппарата и просто мирных жителях, угодивших под «освободительную» пулю, отнюдь не плакались.

¹ По более корректным подсчетам современных историков в царской России с 1825 по 1905 годы по политическим преступлениям было вынесено 625 смертных приговоров из которых только 191 были приведены в исполнение, а в революционные годы – с 1905 по 1910 год – было вынесено 5735 смертных приговоров по политическим преступлениям, считая приговоры военно-полевых судов, из которых приведён в исполнение 3741 приговор. (Черная книга коммунизма. М., 2001)

Семья купца Поленова в 1910 году. Расстреляна в дни «красного террора» в 1918 году.

Тактика повального террора дала свои плоды. Война из-за угла, происходившая в 1905–1907 годах, привела к значительному оскудению правительственного аппарата. Решительных людей, таких как П. Н. Дурново или В. А. Столыпин к моменту нового натиска сил тьмы, оказалось слишком мало. Именно это имел в виду председатель Госсовета И. Г. Щегловитов, принявший активное участие в преодолении первой смуты: «Паралитики власти слабо, нерешительно, как-то нехотя борются с эпилептиками революции». Эти слова, произнесенные в 1916 г., ему припомнили через два года – 23 августа 1918 года выдающийся государственный был публично расстрелян коммунистическими палачами в Петровском парке Москвы. Эти-то колебаний не знали...

В трудные годы, когда государственный корабль едва удерживался на плаву, именно внешнее бесстрашие, даже иной раз показная безмятежность царя вселяли спокойствие в окружавших его политиков и военных. Советские историки с торжеством выуживают из дневников царя записи о погоде, о том, как он постреливал ворон на прогулках. Но ведь эти подбитые вороны словно бы символизировали для императора и всех знавших его будничность, нерушимость бытия. Можно представить себе, почему, зафиксировав в дневнике основные события, встречи и разговоры дня, Николай Александрович прилежно заносил туда же и данные о погоде и поминал пресловутых ворон – он как бы хотел убедить себя в равновеликости политических и бытовых величин, преуменьшить тем самым значимость первых, заглушить тревогу. К тому же, обличители монарха почему-то умалчивают о том, что основные события в жизни дворца со стародавних времен подробнейшим образом заносились в так называемый камер-фурьерский журнал, посему императору вовсе не было необходимости отображать в своем дневнике всякий факт. Впрочем, стоит ли спорить с псевдо-историками? Если бы даже автор дневника обнаружил литературный талант Тургенева, «классовые» шелкоперы все равно нашли бы к чему придаться в его личности и с одинаковым блеском выполнили бы веление своей партийной совести – обосновать главный тезис: все-таки справедливо и законно поступили палачи в июле 1918 года, свершившие скорый «пролетарский суд» над императорской семьей...

Выступление Николая II перед депутатами государственной думы по случаю ее открытия (1906 г.)

Несмотря на усиление политического шторма, состав правительственной команды менялся мало. Премьера Сергея Юльевича Витте ненадолго сменил Иван Логинович Горемыкин. Затем этот пост более пяти лет – до своей смерти – занимал Петр Аркадьевич Столыпин. В самые тяжелые дни министерством внутренних дел руководили Петр Николаевич Дурново и тот же Столыпин. Внешнеполитический курс страны проводил Сергей Дмитриевич Сазонов. Финансами ведал Владимир Николаевич Коковцов. Министерство юстиции много лет возглавлял Иван Григорьевич Щегловитов. Обо всех этих политических деятелях знавшие их современники отзывались чрезвычайно высоко. Некоторые из них оставили мемуары (Витте, Сазонов, Коковцов), по которым можно судить о выдающихся талантах их авторов. Среди духовного наследия министра земледелия и государственных имуществ Алексея Сергеевича Ермолова многотомный труд «Русская народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках, приметах», и сегодня поражающий глубиной знаний, литературной одаренностью. Другие из деятелей высшего политического руководства царской России не успели оставить мемуаров или научных трудов, зато их идейное наследие по сей день привлекает историков русской общественной мысли.

Понятно, что такой подбор выдающихся людей был не стихийным явлением. Именно масштаб личности руководителя страны Николая II определял калибр деятелей, стоявших вместе с ним у руля великой империи. При этом важно отметить, что подбор производился не по принципу личной преданности, а по деловым качествам. К некоторым из своих министров царь не питал симпатии, но ценил их профессионализм, и они без помех, без одергиваний со стороны императора годами руководили вверенными им ведомствами. Непоко-

лебимый патриотизм, личное мужество, громадная работоспособность, дар политического предвидения – все эти качества были присущи первым лицам государственного управления.

И по контрасту с ними – сколь ничтожными оказались те, кто годами вставлял палки в колеса правительству в его попытках провести необходимые преобразования, изолировать политических уголовников, домогающихся власти над народом! Особенно рьяно подкапывались под все политические и экономические мероприятия императора и его ближайшего сподвижника Столыпина так называемые кадеты – партия конституционных демократов во главе с П. Милюковым.

Это дало основание близкой к премьер-министру газете «Россия» сравнить так называемую оппозицию с отрядом неприятельской армии.

Задолго до позорного краха этой партии, взявшейся весной 1917 года руководить страной, один из главных сотрудников Столыпина И. Я. Гурлянд предсказывал итоги тайных интриг кадетов:

«Жалкие, они не понимают, что они первые будут жертвой своего заговора, и, что, если бы им действительно когда-нибудь удалось вызвать ту «вторую революцию», о которой они теперь столь сладострастно мечтают, то они первые были бы брошены под ноги озверевшей революционной улице...»

Но никакие самые пронизательные суждения не могли вразумить наше убогое «общественное мнение». Ни дарованная царем 17 октября 1905 года конституция, ни реально существовавшая свобода печати и политических партий не могли удовлетворить тех, кому по пословице, попала под хвост революционная вожжа. С маниакальной последовательностью они раскачивали тысячелетнее древо российской монархии, словно назойливые осы норовя влезть в любую щелку и ужалить. Тот же Гурлянд с горечью писал: «Кто из этой группы попадал на профессорскую кафедру, вел ту же линию. Говорил ли он о строении черепахи, учил ли разнице между русским государственным строем и прелестями народовластия, говорил ли он о корнях какого-либо растения – всегда и везде бросались в умы молодежи семена презрения и ненависти к существующему порядку вещей и жажда иного порядка, при котором наступил бы золотой век правды и свободы».

Кадетские депутаты в Государственной Думе – а это еще не самые оголтелые из левых – злопыхательствовали с трибуны этого законодательного органа. И. Петрункевич именовал патриотизм «омерзительным», а его сподвижник профессор Кареев предлагал самое имя России уничтожить и заменить чем-нибудь вроде Восточно-Европейских штатов или Восточной парламентарии...

Если уж таковы были «вожди» тогдашней интеллигенции, можно понять, чего стоила она сама. Любая акция правительства вызывала в этой среде злобное противодействие, любая неудача государства порождала буйную радость. Достаточно одного примера, чтобы представить себе, каков был нравственный уровень так называемой «общественности». В книге Ивана Наживина «Записки о революции» есть яркий эпизод. В 1919 году автор встретился в Одессе с Иваном Буниным, тот говорил ему: «– Да, легкомысленны были мы, Иван Федорович, легкомысленны!... Теперь греха таить уже нечего... Я помню, получил я у себя в деревне известие об убийстве Столыпина – теперь трудно и поверить, что я бегал по террасе и визжал от радости...».

Рыцари России

Когда 1 сентября 1911 года в киевском театре прозвучал выстрел Мордехая Богрова, сразивший Столыпина, рядом с премьером в ложе находился Николай II. Сжав в ладонях руку смертельно раненого сподвижника, император с горечью смотрел в его широко раскрытые глаза. Как беспощаден был исторический рок к лучшим сынам отечества! Вот и Петру Аркадьевичу судьба отпустила только пять лет, хотя он просил у истории двадцать спокойных лет для того, чтобы построить новую великую Россию...

П. А. Столыпин в Полтаве во время прибытия Государя Императора на торжества 200-летия Полтавской победы (26 июня 1909 г.)

Именно император высмотрел Столыпина еще в ту пору, когда тот занимал скромный пост саратовского губернатора. Проявив твердость и бесстрашие в борьбе с «красной сотней», Петр Аркадьевич собственным примером вселял уверенность в тех, кто поначалу дрогнул под натиском терроризма. Именно такой человек был нужен России в час величайшего испытания. И в апреле 1906 года царь назначает его министром внутренних дел, а через несколько месяцев и председателем Совета министров.

Палуба государственного корабля то и дело уходит из-под ног, дело идет, казалось бы, лишь о спасении. Но Столыпин именно в эти катастрофические дни лета 1906 года разрабатывает программу решительных реформ, способных изменить лик России. На него нападают левые (взрыв в его доме искалечил дочь премьера), на него обрушиваются правые консерваторы, усмотревшие в планируемых им мерах угрозу своим сословным привилегиям. Но он последовательно проводит свой курс на обновление и укрепление империи.

Суть программы Столыпина, внимательно изученной и одобренной Николаем II, сводилась к следующему.

Революционная пропаганда достигла успеха прежде всего из-за недовольства крестьян своим положением. Малоземелье и зависимость от сельской общины делали мужика готовым к восприятию любой агитации, эксплуатирующей чувство зависти к ближнему. Если бы удалось разрушить уравниловку, порождавшуюся общиной и создать в деревне слой независимых крепких хозяев – красным демагогам было бы невозможно натравливать одну часть народа на другую.

Те же цели преследовала реформа местного самоуправления и суда. Сельский хозяин должен был стать благодаря ей деятельным участником управления государством.

Столыпин провозгласил вероисповедную терпимость, что позволяло снять накопившееся за века недоверие между приверженцами различных христианских конфессий (православными, униатами, старообрядцами).

И, наконец, было объявлено о проекте введения всеобщего начального обучения.

Известный политический деятель этой эпохи депутат Государственной Думы Василий Витальевич Шульгин писал впоследствии, оценивая эпоху великого реформатора: «Мы твердо стали вокруг и дали ему возможность вбивать в крепкие мужицкие головы сознание, что земли «через волю» они не получают, что грабить землю нельзя – глупо и грешно, что земельный коммунизм непременно приведет к голоду и нищете, что спасение России в собственном, честно полученном куске земли – в «отрубках», в «хуторах», как тогда говорили, и, наконец, что «волю» народ получит только через землю, т. е. не прежде, чем он научится ее, землю, чтить, любить и добросовестно обрабатывать, ибо только тогда из вечного Стеньки Разина он станет гражданином...»

Николай II предоставил Столыпину полную свободу действий – более пяти лет, несмотря на нападки и интриги этот рыцарь России проводил свой курс под «политическим зонтиком» императора. Как ни пытались и не пытаются ныне сегодня историки марксистско-ленинского посева уверить нас в том, что царь чуть ли не ревновал к славе Столыпина, чуть ли не вставлял ему палки в колеса – факт остается фактом: он сохранил премьера несмотря на сильнейшее давление влиятельных политических сил.

Столыпин (в белом мундире справа) при представлении императору еврейской делегации и поднесении ею Торы (30 августа 1911 г.)

Оба они – император и его первый министр – словно закованные в латы рыцари, пробивались через сонмища всевозможных врагов к сияющей вдали заветной цели: могуществу и счастью отечества.

Оба они любили и знали свой народ. Именно пониманием интересов подавляющего большинства населения страны – крестьян – была продиктована программа Столыпина и царя. Оттого-то оба они дерзнули выступить против интересов поместного дворянства, желавшего сохранить и свое экономическое господство в деревне, и верховенство в органах местного самоуправления. Будучи сами плотью от плоти первенствующего сословия, царь и Столыпин сумели встать над его интересами во имя интересов общенародных.

П. А. Столыпин на прибытии Их Величеств в Киев (29 августа 1911 г.)

И тот и другой любили и умели говорить с простыми людьми. Не раз во время поездок по России император выходил из экипажа и смешивался с толпой селян. Одну из таких незапланированных встреч на Полтавщине с крестьянами, собравшимися на ярмарку, описал впоследствии генерал Мосолов.

Дело происходило в 1909 году. Страна готовилась к 200-летию Полтавской битвы. Именно на юбилейные торжества и прибыл царь. Был самый разгар столыпинских аграрных преобразований, так что мужика весьма волновали происходившие в деревне процессы. На императора обрушился шквал вопросов, в массе своей весьма каверзных. Но он с таким мастерством спорил, говорил столь ясно и просто, что двухчасовая дискуссия окончилась полной победой Николая II. Мужики расходились, дивясь уму и простоте самодержца.

Именно понимание нужд народа обусловило поддержку Столыпина императором. И в то же время, царю приходилось постоянно осаживать правых и либералов, носившихся с разными «народолюбивыми» проектами. Как-то раз выслушав подобные маниловские рассуждения министра иностранных дел Сазонова, Николай II сочувственно сказал: «Поверьте мне, если когда-нибудь вы и другие вроде вас очутитесь лицом к лицу с русским народом, недели через две от вас ничего не останется».

1 сентября 1911 года пуля убийцы поразила одного из рыцарей России. Отныне императору выпало в одиночку пробиваться к сияющему вдали хрустальному замку их общей мечты. Сподвижника, подобного Столыпину, судьба не могла ему дать.

Ибо такие богатыри рождаются, быть может, раз в столетие.

Погребение П. А. Столыпина у Трапезной церкви в Киево-Печерской Лавре (9 сентября 1911 г.)

Любовь, надежда, вера

Не было такой стороны в деятельности императора Николая II, которая не подверглась бы очернению в писаниях сначала «прогрессистов», а затем и литературной прислуги коммунистического режима. Если не удавалось отыскать чего-либо порочащего, предавали осмеянию даже заведомо положительные черты его характера. Словом, убитый император никаким образом не сумел бы подладиться (знай он, что придется «позировать» для либеральных и большевистских биографов) под беспощадные вкусы моралистов этого сорта. Если был хладнокровен – получал ярлык «амебы». Если проявлял твердость – обзывали «кровоавым», «вешателем». Даже привязанность государя к семье – и та послужила для литературных палачей материалом к обвинительному заключению. Только один пример – писания видного эсера, входившего в число организаторов Февральского переворота С. Мстиславского²: «... Николай Александрович был примерным семьянином... Он точно прятался от жизни в тесный, замкнутый, опресненный до обывательского застоя, мирок. Когда впоследствии уже после отречения, он говорил об удовольствии, которое доставляет ему колка дров, прогулки и к одной семейности сведенный круг, – он был, несомненно, искренен: он не мог не испытывать огромного облегчения от сознания, что он приобрел, наконец, право – ни о чем не думать».

² Псевдоним – как, впрочем, у всех уголовников от политики, перенявших обычай скрываться под кличками у своих соратников по нарам, больше специализировавшихся по чужим карманам.

Царская семья на яхте «Штандарт» (Ольга, Николай II держит Алексея, за ним Анастасия, рядом супруга Александра Федоровна, перед ней Мария, рядом стоит Татьяна) (1907 г.)

Таковы умозаключения человека, который всю свою жизнь двурушничал – наружно служа государству за немалую мзду и тайно участвуя во всех подрывных организациях – от масонской ложи до партии социалистов. Что мог знать и понимать о жизни венценосцев тот, кого хватило на то, чтобы раз в жизни взбунтовать чернь, а затем десятилетиями лакействовать (в писаниях своих) перед новыми властителями?..

Какой же веры заслуживают сочинения всякого рода касвиновых и радзинских³, занятых обелением палачей или, если это не ко времени, хотя бы их «извинением». Такие как Мстиславский хотя бы нюхнули край царских одежд, а нынешние?..

Но задача наша не «оспоривать глупца», по слову Пушкина, – а показать истинный облик того, кого Русская церковь причислила к святым покровителям своего народа. Ведь он действительно обладал редким – особенно в наше время – даром любви. Сколько людей, встречавших императора хотя бы раз в жизни, говорили о его способности очаровывать, привлекать к себе. Особенно показательны такие свидетельства, исходящие от простых людей – в этой среде вряд ли объяснишь привлекательность государя хорошими манерами или воспитанием. Выросшие в православной среде, такие собеседники императора понимали человечность и доброту прежде всего в религиозном значении. Любовь к ближнему, а не светская вежливость – их различие было весьма ощутимо для людей той древней культуры, которая почти выветрилась ныне.

Солдат-украинец, прикованный к госпитальной койке, говорил флигель-адъютанту В. Свечину, побывавшему в палате для раненых после визита Николая II: «Ваше высокоблагородие, у государя такие глаза, що в жисть не бачил – до смерти не забуду. Люди говорили, что ему до нас дела нет... Теперь я знаю – то злодеи, хуже немца – все брешут... Уж мене теперь сего не скажут... Коли бог даст, выдужаю – убью всякого, хто скажет що такое подобное... Я видел его глаза и знаю теперь правду. В них слезы были, вот те Христос, сам видел. Сказать не поверят: Царь, Император Российский плаче... Смотрил на нас искалеченных и плакал... Знать жалел. Видно, правду в полку учили, когда сказывали, що мы для него як дити. Как есть отец по детям и плаче...»

После таких слов требуется ли особо говорить о родительских чувствах императора к собственным детям? Остается лишь добавить, что это был образцовый отец, а вся императорская семья являла собой олицетворение истинно христианской семьи, идеал православного дома для всей России. Так она и воспринималась нашими недавними предками – многодетная крестьянская Русь видела в Помазаннике Божиим и его семье как бы прообраз святого семейства, святого, и в то же время близкого всем – и по одновременности жития своего на одной с каждым из русских людей земле, на одном языке говорящей, одни молитвы каждодневно творящей...

³ Радзинского, впрочем, можно понять. Один из организаторов цареубийства – с характерным именем Исай Иделевич – носил эту же фамилию. Трудно отделаться от мысли, что пером сочинителя двигало не желание бросить новый свет на обстоятельства гибели венценосной семьи, а стремление пригасить тот слепящий луч исторической истины, который выхватил «неудобный» национальный состав палаческого синклита...

Венчание Николая II и великой княжны Александры Федоровны (Худ. И. Е. Репин)

После торжественного венчания в ноябре 1894 года невеста молодого царя стала именоваться государыней императрицей Александрой Федоровной (она согласно закону Российской империи приняла православие). Через год появился на свет первый ребенок царской четы – великая княжна Ольга Николаевна. В июне 1897 года родилась Татьяна, в мае 1899 – Мария, в июне 1901 – Анастасия. Наконец, 30 июля 1904 года родился долгожданный наследник престола – великий князь Алексей Николаевич. По этому случаю царь издал манифест, предоставлявший населению России различные льготы.

Император Николай II и императрица Александра Федоровна (1896 г.)

Но уже вскоре радость родителей была омрачена – через несколько дней после рождения у Алексея началось кровотечение, все попытки врачей остановить его оказались безуспешными, оно прекратилось через какое-то время само по себе. Выяснилось, что наследник болен гемофилией – несвертываемостью крови. Этот редкий недуг передался ему через мать от ее бабки – английской королевы Виктории. Женщины сами не страдают от гемофилии, ей подвержено только мужское потомство. Опасность болезни в том, что любой ушиб или порез может стать причиной смерти больного от внутреннего кровоизлияния или кровотечения из мелкой ранки. Ни тогдашняя, ни теперешняя медицина не смогли найти способ излечения, и только нетрадиционные методы врачевания оказались эффективными. Единственным, кто мог облегчать страдания царевича Алексея, оказался выходец из далекого сибирского села Григорий Распутин...

Еще несколько лет назад имя этого сибирского крестьянина слыло символом «разложения монархии»: с подачи кадетской и социалистической прессы 1910-х годов и советские публицисты упражнялись в сочинении небылиц о злодее Распутине. Истина же куда проще: миф, созданный газетно-журналистской мафией, необходим был для дискредитации императорской фамилии и политической системы, олицетворявшейся Николаем II.

Великие княгини Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и наследник Престола Русского цесаревич Алексей (1910 г.)

Автор этих строк, когда-то вдоволь начитавшийся антираспутинских сочинений, был изрядно шокирован сообщением старого питерского собирателя пословиц Федора Петровича Некрылова. Фольклорист составил сборник воспоминаний о своем учителе – известном физиологе Алексее Алексеевиче Ухтомском – и пытался пристроить их в печать. Дело было в начале 1980-х годов, и публикация этих мемуаров оказалась непростым делом. Ибо академик, скончавшийся в блокадном Ленинграде, был весьма неоднозначной фигурой. Мало того, что он закончил духовную академию и принял сан старообрядческого священника, он еще и состоял в близком родстве с князем Эспером Эсперовичем Ухтомским, воспитателем последнего русского царя. Посему в дореволюционные годы и сам как отпрыск древнего княжеского рода был вхож в великосветские дома Петербурга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.